

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.17

В.А. Ачкасов

«ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Предпринята попытка дать ответы на вопросы: Почему русская крестьянская революция была возглавлена партией, ориентированной воинствующе западнически, враждебно настроенной против крестьянства как традиционалистской силы и ставящей цель свершения мировой социальной революции? Почему большевикам удалось осуществить политическую мобилизацию народов национальных окраин Российской империи?

Ключевые слова: крестьянская революция; национальное самоопределение; вопрос о земле; политическая мобилизация.

Со времен Баррингтона Мура-младшего в западной историографии (в отличие от историографии советской) устойчивым стало представление о том, что в России (как и в Китае) имела место не пролетарская, а крестьянская революция. Крестьянство, писал американский социолог, «под воздействием новых тягот и лишений, которым подвергал ее современный мир, обеспечило главную разрушительную силу революции, опрокинувшей старый порядок и вытолкнувшей эти страны в современную эпоху под властью коммунистических режимов, чьими жертвами в первую очередь стало крестьянство» [1. С. 13].

Русская революция в самом деле чрезвычайно парадоксальна. Являясь, по точной оценке С. Франка, «восстанием крестьян, победившей и до конца осуществленной всероссийской пугачевщиной» [2. С. 212], (т.е. мощным всплеском архаики), она была возглавлена небольшой дисциплинированной партией, ориентированной воинствующе западнически, враждебно настроенной против крестьянства как традиционалистской силы и ставящей цели свершения мировой социальной революции. Однако эта партия была неразрывно связана с российской интеллигентской политической традицией, более того, стала ее экстремальным выражением. Н.А. Бердяев писал в эмиграции, явно имея ввиду большевиков: «Русская революционная интеллигенция лишена была всякого национального чувства и национального сознания. Но в ней были характерно русские национальные свойства. Они истребляли Россию, но истребляли по-русски. Русский нигилизм был русским национальным явлением. Но он истреблял наше национальное бытие» [3. С. 90].

Известно, что крестьянские восстания, как правило, не имеют позитивной программы, альтернативного проекта будущего или, как писал К. Маркс, крестьяне не способны проводить свои классовые интересы самостоятельно. Поэтому большинство крестьянских протестных движений относятся к типу «направляемых политических движений» (Т. Шанин), когда «крестьянство может быть «использовано» (т.е. преднамеренно втянуто обманным путем в какое-то движение, чуждое его интересам), либо его могут «повести к достижению его собственных целей», однако само определение «целей» осуществляется по усмотрению лидеров, находящихся в качественно отличном

от крестьян положении. Интересы и позиции крестьян – это лишь один из факторов, принимаемых в расчет» [4. С. 274]. Именно поэтому, как констатирует современный американский исследователь Э. Гулднер, «отчуждение крестьянства в нашу эпоху никогда не приводило к низвержению старого государственного аппарата и к принципиальному перераспределению собственности, если крестьянство не вступало в союз с интеллектуалами и не оказывалось под их политическим и культурным руководством» [5. С. 12].

Однако почему именно большевики, в конце концов, оказались лидерами этой крестьянской революции?

По справедливому замечанию Э. Каррера д'Анкос, после февраля 1917 г. в стране наблюдался, «с одной стороны, рост национального самосознания и желание народов, по крайней мере, в первое время построить отношения с Россией на новой основе, с другой – очевидная неспособность Временного правительства дать адекватный ответ на запросы масс» [6. С. 178]. Действительно, крестьяне в шинелях уже не могли принять лозунг «Война до победного конца!». Прав британский историк Орландо Фигес, утверждающий, что «основательней, чем что бы то ни было, летнее наступление (1917 г. – В.А.) повернуло солдат к большевикам, единственной партии, бескомпромиссно стоявшей за скорейший конец войны» [7. Р. 409]. Народ, вооруженный российским имперским государством, стал величайшей угрозой для самого его существования. «Земельный вопрос, тлевший в мирное время, встал во весь рост в 1917 г., когда массы осознали, что война не может быть выиграна, – считает И.Г. Яковенко. – Обращение на барские и удельные земли было естественной в глазах сельского «мира» компенсацией в ситуации проигранной войны. Если власть не обрела новых земель, а забрала миллионы крестьянских жизней, царизм и его слуги (помещики) должны были расплатиться своими землями. Так русский крестьянин понимал справедливость» [8. С. 146]. Поэтому крестьяне, одетые в солдатские шинели, массово уходили по домам, делить землю.

В свою очередь, национальные движения, поднявшиеся на окраинах империи, не могли принять провозглашенную Временным правительством цель сохранения «единой и неделимой России». Правда, дискриминация инородцев была осуждена, а 22 марта 1917 г. был опубликован специальный акт об отмене

вероисповедных и национальных ограничений. Автономия Царства Польского и Великого княжества Финляндии восстановлена, а в июне Временное правительство передало часть властных прерогатив и Украинской Центральной Раде, «де факто» признав тем самым «национальный» принцип в качестве одной из основ территориального деления страны. Однако члены правительства готовы были признать права национальностей на территориальную автономию скорее теоретически, нежели способствовать их реализации на практике. Временное правительство скорее «было заинтересовано в реорганизации системы управления по кадетской схеме, делавшей упор на культурно-автономистские инициативы и областное, а не “национальное”, самоуправление – это не только позволяло избежать формирования собственно наций со своими территориями и законодательными собраниями, но и не требовало значительных расходов» [9. С. 214]. Представители правого крыла меньшевиков и эсеров, позднее вошедших во Временное правительство, также придерживались «оборонческих» позиций и откладывали решение «национального вопроса» до созыва Учредительного собрания. В резолюции Первого Всероссийского съезда Советов меньшевики и эсеры, которые обладали большинством голосов, предлагали Временному правительству принять декларацию «О признании за всеми народами права самоопределения, вплоть до отделения, осуществляемого путем соглашения во всенародном Учредительном собрании». Таким образом, съезд высказался против попыток разрешения национальных вопросов до Учредительного собрания явочным порядком, путем обособления от России отдельных ее частей¹.

Однако всякая, даже малая уступка новой власти требованию, исходящему от национального движения одного народа, вызвала цепную реакцию аналогичных требований, что серьезно дестабилизировало обстановку в стране. И.Г. Яковенко назвал это «имперской ловушкой»². Большевики воспользовались сложившейся ситуацией, объявив себя сторонниками немедленной реализации права наций на политическое самоопределение. Еще на Апрельской Всероссийской конференции РСДРП (б) делается заявление о полном равноправии всех наций и признается право на отделение Польши, Финляндии и Украины. А.Г. Авторханов, проследив эволюцию взглядов В.И. Ленина по вопросу национального самоопределения, выделяет в ней четыре этапа, справедливо отмечая, что переход к каждому новому этапу связан с радикализацией революционного процесса: 1-й этап – признание «права на самоопределение без его гарантий» (от II съезда РСДРП (1903) до Апрельской 1917 г. Всероссийской конференции партии); 2-й этап – самоопределение «с гарантией государственного отделения даже для Украины» (апрель-июнь 1917 г.); 3-й этап – выдвигается идея федерализации России, создания союза свободных республик (I съезд Советов, июнь 1917 г.); 4-й этап – захват власти, провозглашение РСФСР – начало «истории нового типа колониальной империи» [11. С. 29].

В целом следует признать, что центральная власть в Петрограде и чем дальше, тем больше, отставала от

стремительного развертывания событий в стране во круг решения «национального вопроса», особенно применительно к процессу национализации армии. «Желание “национализации” армии скоро стало навязчивой идеей почти всех скороспелых националистов, заслонив собой культурно-автономистские планы», – констатирует В.П. Булдаков [12. С. 146].

В сентябре 1917 г. в Киеве на Конгресс народов России собрались 93 делегации. Они представляли практически все крупные этнические и национальные группы страны, за исключением поляков и финнов. «И хотя Конгресс выступил за создание в России демократической федеративной республики, было ясно, что национальные интересы берут верх. В национальных движениях быстро распространялись радикалистские настроения... Не случайно на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года большинство нерусских жителей страны проголосовало за свои национальные партии» [13. С. 97, 99]. Не взяло на себя Временное правительство ответственность за решение вопроса о земле, ключевого для российского крестьянства.

Поэтому проблема социально-экономического и национально-государственного переустройства России стала прерогативой политических партий и движений, в первую очередь левого, радикального толка, в том числе и на национальных окраинах империи, поскольку их лозунги и программы в большей степени «резонировали» с противоречивыми устремлениями масс. А. Миллер отмечает, что «в 1916–1917 гг. и позднее появилась очень важная возможность у украинских левых партий “продавать” национальную программу вместе с социальной. То есть они говорят о земле и говорят, что вопрос о земле будет решен в украинском государстве. И это очень важно, так как возникают новые способы пропаганды украинской идеи через вызывающий очень большую отзывчивость у крестьян мотив земельного вопроса» [14. С. 212]. Поэтому в национальных движениях постепенно возобладали левонационалистические доктрины, связанные либо с народничеством, либо с марксизмом. При этом стоит напомнить, что в украинском национальном движении рубежа XIX–XX вв. в Российской империи вообще никто не говорил о политическом самоопределении, кроме радикалов (Д. Донцов и др.), которые рассматривались в самом движении как маргиналы. И только мировая война и революция поставили проблему «незалежности» на повестку дня. Отвечая на обвинения в украинском сепаратизме, редактор московского журнала «Украинская жизнь», социал-демократ Симон Петлюра в статье «Война и украинцы» (1916 г.) призывал украинцев защитить «общий дом» и уверял, что слухи об украинском сепаратизме не соответствуют действительности [15. С. 210–214]. Правда, уже весной 1917 г. группа украинских социал-демократов, в которую входили В. Винниченко, С. Петлюра, Н. Порш и др., стали обосновывать необходимость украинской автономии по-марксистски: автономия необходима для развития производительных сил края, а потому она является «неотложным делом украинского рабочего класса». Вместе с тем все более популярной становилась идея национализации армии.

Однако, как отмечают историки, до начала 1918 г. все переговоры с центральным правительством в Петербурге велись о большей или меньшей автономности в составе демократической федеративной России, но никак не о независимости [14. С. 214].

Поэтому только разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. придал ускорение распаду имперского пространства. «К февралю (1918 г.) независимость провозгласили Финляндия, Эстония, Литва, Украина и Молдавская республика (Бессарабия), в марте – Белоруссия, в апреле Закавказская Федерация. В Туркестане, Казахстане, Башкирии, Северном Кавказе еще в конце 1917 года была провозглашена территориальная автономия» [13. С. 99]. На быстрый распад империи серьезным образом повлиял внешний фактор (германская оккупация, позднее – интервенция держав Антанты), как и начавшаяся Гражданская война. Таким образом, конец 1917 – первая половина 1918 г. были не временем «триумфального шествия советской власти», как писалось в советских учебниках «Истории КПСС», а скорее «триумфального шествия национал-сепаратизма».

Подводя некоторый итог революционным событиям 1917 г., историк В.П. Булдаков пишет: «Революционные массы не понимают “сложностей” переструктурирования системы, особенно если инициативы реформаторства исходят от культурно чуждых элит по заведомо запоздалым или чуждым низам сценариям. Зато радикалы охотно пользуются плодами неудач новых верхов. В таких условиях толпы легко находят своих “настоящих” вождей среди тех, кто нацелен на “углубление революции”. Для последних наступает поистине звездный час...» [9. С. 265].

Именно партия большевиков сумела осуществить синтез традиционных русских ценностей и социально-экономического модерна, воссоздав в результате новую модификацию Российской империи. «Наследник народнической традиции и ее ревизионист, Ленин предложил объединить “прогрессивный авангард” и “отсталое крестьянство” на пути к российской революции. Вести крестьянство в цивилизацию будущего – такова была радикально новая версия внутренней колонизации», – утверждает А. Эткинд [16. С. 322]. Только прагматизм лидеров партии и их убежденность в том, что Россия всего лишь первый плацдарм мировой пролетарской революции, могут объяснить те шаги большевиков, которые противоречили их программе, однако привели к массовой политической мобилизации крестьянства и «нацменов».

Речь идет не столько о «Декрете о мире», хотя и он был выражением чаяний миллионов «крестьян в шинелях», сколько о «Декрете о земле». При этом важно было не столько то, что декрет стал практической реализацией программного требования другой партии (социалистов-революционеров)³, сколько то, что он осуществлял вековую мечту российского крестьянина – «черный передел», т.е. раздел общей земли между теми, кто на ней работает «по справедливости» – по едокам. Как представляется, именно этим можно объяснить нейтралитет большинства и даже активную поддержку частью крестьянства новой большевист-

ской власти и даже политики «военного коммунизма» что, в свою очередь, обеспечило победу в Гражданской войне.

«Русские крестьяне с готовностью приняли большевистский лозунг непримиримой классовой борьбы не только потому, что хотели отобрать землю у помещиков, – писал евразиец П. Сувчинский, – немалую роль сыграло стремление освободиться от чуждого и непонятного народу культурного слоя» (цит. по: [17. С. 165]). Причем беднейшее российское крестьянство нередко хотело, прежде всего, завладеть помещичьими владениями представителей иной этнической принадлежности.

Примерно тоже писали о причинах политического успеха большевиков Н. Бердяев, Г. Федотов, С. Франк, позднее – Б. Мур-младший и др. Так, Б. Мур, в частности отмечал: «Среди крестьян у большевиков не было реальной опоры. Но, будучи единственной партией, лишенной каких-либо связей с существующим строем, они могли позволить себе временную уступку требованиям крестьян ради захвата власти. Они поступили так во время революции и после хаоса Гражданской войны. Впоследствии большевики решили заняться теми, кто привел их к власти, и загнали крестьян в коллективные хозяйства, чтобы сделать их основной базой и жертвой социалистической версии первоначального накопления капитала» [1. С. 431].

В то же время некорректно было бы говорить о крестьянах как главной движущей силе «национальных революций» на окраинах распавшейся империи. Россию в начале XX в., напоминает И.Г. Яковенко, «населял чисто средневековый народ, отвергавший секулярное сознание и неспособный к осознанию мира вне эсхатологической перспективы» [8. С. 153–154]. Поэтому скорее имело место использование крестьянских восстаний и бунтов «за хлеб и волю!» этнополитическими элитами в интересах национального самоопределения.

Можно назвать и ряд других обстоятельств, обеспечивших победу большевиков в Гражданской войне. Это и упование на быстрый крах власти Советов, и бездарная крестьянская политика или полное отсутствие таковой со стороны антибольшевистских сил⁴. Это и восприятие белых армий как антинародных, которые, как и красные, обратились к массовому террору поскольку они ассоциировались со старым поверженным политическим строем, здесь сохранялись порядки русской императорской армии, а поддержку они получали от стран Запада и др. Более того, парадоксальным образом большевики-интернационалисты были вынуждены выполнять в ходе Гражданской войны роль «защитников Отечества» (вспомним мобилизующий лозунг того времени «Социалистическое Отечество в опасности!»), поскольку их противниками были не только белые армии, но и союзные им войска интервентов (Германии, Великобритании, Франции, США и Японии) Кроме того, под вопрос ставилось само существование российского государства.

Теоретически «пролетарская» идентичность большевистского режима исключала возможность его национальной идентификации, так как пролетарский интернационализм исключает национализм. Однако

программа РСДРП(б) признавала право наций на самоопределение, вплоть до отделения и формирования самостоятельного национального государства. Уже первые документы нового Советского государства – Декрет о мире и Декларация прав народов России (15 ноября 1917 г.) – провозглашали: 1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [18. С. 20–21]⁵. В свою очередь, тезис о федеративном устройстве Российской Советской Республики был официально провозглашен в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом Советов 25 января 1918 г. вместе с Постановлением «О федеральных учреждениях Российской республики» [Там же. С. 39–40]. В составе Совета народных комиссаров был образован Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), который возглавил И. Сталин. Наркомнацу ставились следующие задачи:

1) обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также и договорных дружественных советских республик;

2) содействие их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния;

3) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти [19].

Это, казалось бы, противоречило стратегическим целям партии. Но надо специально отметить, что большевики не считали политическое самоопределение наций самоцелью. Национализм, в их понимании, был ложной буржуазной идеологией, позволяющей правящим классам скрывать классовый раскол в обществе. Поддержка самоопределения была лишь средством, необходимым на первом этапе социалистической революции для того, чтобы снизить недоверие и враждебность рабочих и крестьян разных национальностей друг к другу и создать фундамент для их последующего интернационального объединения на классовой основе для успешной борьбы с буржуазным строем.

Большевики прагматически относились как к марксистской теории, так и к требованиям своей партийной программы. Используя идею национального самоопределения для разрушения Российской империи, они, после захвата власти, не торопились признавать независимость и суверенитет возникших на национальных окраинах империи государств. Более того, они смотрели на этот процесс «суверенизации» как на заговор национальной буржуазии, стремящейся сохранить господство над своими трудящимися и изолировать их от революционного русского пролетариата. Поэтому, не колеблясь, они принимают решения о помощи «братьям по классу».

Так, когда в Финляндии социал-демократы попытались организовать вооруженное восстание в январе

1918 г. (кстати, уже после признания независимости этой страны правительством В.И. Ленина), они тотчас же получили поддержку Советской России. Уже 1 марта было подписано соглашение с Финляндской Социалистической Рабочей республикой, но «буржуазные националисты» призвали германские войска... и с социалистической Финляндией было покончено. Весьма сходно события развивались в Эстонии, Латвии, на Украине и в Белоруссии, где только наступление германских войск прервало «победное шествие советской власти».

Закавказье, отделенное от РСФСР Добровольческой белой армией, сохраняло независимость дольше, вплоть до поражения белого движения на юге России. Однако уже в феврале 1921 г. было покончено с последним независимым государством Закавказья – Грузинской республикой. В 1920 г. Красная армия оккупировала оба бывших российских протектората в Средней Азии – Хивинское ханство и Бухарский эмират.

Поэтому явной натяжкой было бы утверждение (которое ранее делали авторы «Смены вех», а ныне российские коммунисты и некоторые русские националисты), что большевики просто эксплуатировали лозунг «мировой революции» ради решения «имперской задачи» – восстановления распавшейся Российской государственности. С.М. Сергеев пишет сегодня, что: «синтез традиционных русских ценностей и социально-политико-экономического модерна сумела осуществить партия, считавшаяся предельным воплощением антинационального духа. Она создала и новую модификацию Российской империи, где в рамках наднациональной общеимперской идеологии “старшему брату” был дозволен строго ограниченный ими культурный (но не политический) национализм» [20]. Здесь, как представляется, ближе к истине были евразийцы, которые писали: «...хотя восстановление империи было результатом деятельности стоявших у власти коммунистов, выработку “основных форм политического бытия” следует приписать народной стихии, а не коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями» [21. С. 399]. Отсюда и инверсионное восстановление имперского идеократического мироощущения, окончательно укоренившегося в «сталинский период» советской истории. Поэтому очень сомнительно, что мысли о воссоздании российской империи приходили на ум Ленину и его ближайшим соратникам. Они прилагали огромные усилия к захвату Закавказья, Украины, Финляндии или Белоруссии, оказывали помощь революциям в Венгрии и Германии, организовывали поход против «панской Польши» потому, что рассматривали эти и другие территории как части будущей всемирной социалистической республики.

Даже в последней ленинской работе «Лучше меньше, да лучше» (1923 г.) перед СССР ставится цель «продержаться вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах». В. Ленин неоднократно возвращается к мучительному для него вопросу: «Удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности, до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое

развитие к социализму?» [22. С. 397]. Таким образом, противоречит фактам утверждение о том, что Ленин, разработав «новую экономическую политику», отложил в «долгий ящик» или даже отказался от идеи мировой пролетарской революции и заменил её планом построения социализма в СССР. На самом деле Ленин считал НЭП лишь видоизменением методов борьбы за мировую революцию, «заслуга» же творческой доработки плана «строительства социализма в одной стране» принадлежат И. Сталину, однако осуществлять этот план на практике он стал только в конце 1920-х гг.⁶

Важно подчеркнуть, что значительная часть коренного населения национальных окраин была солидарна с фантастическими планами большевиков. Война Советской России на периферии бывшего Российского государства в то время не воспринималась как «война русских с нерусскими». «Большинством населения, несмотря на националистическую пропаганду местных правительств, она была пережита как война классовая, как война бедняков против богачей, пролетариев – против владельцев имущества, тех, кто владел собственностью, с теми, кто желал обладать ею. Пафос интернационализма являлся не просто

идеологическим лозунгом большевистских вождей, но действительным состоянием умов миллионов обитателей бескрайней бывшей Империи. Только приняв это утверждение, сможем мы объяснить победу большевиков в Российской революции, победу, которая не в малой степени ковалась этническими инородцами» [24. С. 138]. Признавал это и И. Сталин, который писал, что «Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи» [25. С. 47]. Как представляется, именно многонациональность России, пестрота ее этнического и культурного «ландшафта» обусловили то, что идеологией модернизации страны стал интернационалистский большевизм, а не национализм (как это было ранее в странах Западной Европы). Именно поэтому представляется сомнительным суждение о том, что «формирование наций из этносов, ранее не имевших даже общего этнического самоназвания»... было вовсе не «подарком» революции «ранее угнетенным» народам, а платой за поддержку, оказанную ими интернациональным строителям новой империи [9. С. 12].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов объяснял постфактум, почему его партия не реализовала программную цель – предоставления национальным меньшинствам территориальной автономии: «Кадетская партия, со времен самодержавия привыкшая себя чувствовать и мыслить как “государственная”, глубоко централистическая партия, не могла не бороться изо всех сил против всякого шага на пути к децентрализации России, производимой по национальному признаку. Для нее это было ослаблением государственного единства. [Эсерам] надо было выбирать: или союз с ищущими эмансипации “негосударственными” национальностями, и тогда разрыв с кадетской партией; или сохранение коалиции с кадетской партией, и тогда – отчуждение и вражда с украинцами, белорусами, национальностями Прибалтийского края, Кавказа, Башкирии, Туркестана и т.д. <...> Сохранение их коалиции в правительстве вело лишь к их взаимной нейтрализации, т.е. к параличу творческой деятельности правительства» [10. С. 354].

² «Имперская ловушка – безвыходная ситуация, в которую попадает политическая элита угасающей империи. С одной стороны, удержание приращенных территорий требует чрезмерных ресурсов, с другой – отпущение любой из таких территорий несет в себе опасность прецедента, ведущего к коллапсу» [8. С. 218]. Во второй половине 1980-х гг. в «имперскую ловушку» попала и правящая элита Советского Союза.

³ Так, лидер эсеров утверждал, что «проект социализации земли» большевики, «доведя до абсурда, – повернули... в бессмертную заслугу самим себе» [10. С. 352].

⁴ «Главный, более того, единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собой все прочие явления и события, – вымученный, выстраданный веками: Вопрос о земле», – писал в «Очерках русской смуты» генерал А. Деникин, сам ничего не сделавший для решения этой проблемы. Сменивший его генерал Врангель пообещал крестьянам землю, но ему уже никто не верил.

⁵ «Советская идеология уравнивала всех, и в этом заключалась одна из причин победы большевиков в гражданской войне», – пишет сегодня И.Г. Яковенко [8. С. 241].

⁶ Л. Троцкий считал теорию социализма в отдельной стране, поднявшуюся на дрожжах реакции против Октября, единственной теорией, последовательно и до конца противостоящей его теории перманентной революции, и утверждал, что в данном случае имеет место искажение ленинского вывода о возможности победы социалистической революции и построения социализма в отдельно взятой стране, который был сделан Лениным еще до Октябрьской революции. После установления Советской власти, – продолжает Троцкий, – Ленин считал, что с точки зрения внутренних политических условий в нашей стране было все необходимое для построения социалистического общества. К важнейшим из них он относил союз пролетариата с крестьянством, взятие пролетариатом власти, переход в руки Советского государства всех крупных средств производства и др. [23. С. 287, 427]. Действительно, в 1923 г. Ленин писал следующее: «Нам... не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки» [22. С. 405].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / пер. с англ. под науч. ред. Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 488 с.
2. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207–226.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. 440 с.
4. Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 269–278.
5. Гулднер Э. Будущее интеллектуалов и восхождение Нового класса // Рубежи. 1997. № 4. С. 3–39.
6. Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.
7. Figs O. People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. London: Jonathan Cape, 1996. 923 p.
8. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. 2-е изд. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
9. Буддаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096 с.
10. Чернов В.М. 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 337–360.

11. Султыгов А.-Х. Большевизм и национальный вопрос // Вестник российской нации. 2017. № 2. С. 8–84.
12. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
13. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
14. Касьянов Г., Миллер А. Россия – Украина: Как пишется история. Диалоги. Лекции. Статьи. М.: РГГУ, 2011. 306 с.
15. Петлюра Симон – главный атаман. В плену несбыточных надежд / под ред. М. Поповича, В. Мироненко. М.: СПб.: Летний сад, 2008. 479 с.
16. Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
17. Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 158–169.
18. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. 640 с.
19. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М.: Обществ. Акад. наук рос. немцев, 2003. 852 с.
20. Сепрев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века. URL: http://www.portal-slovo.ru/history/39051.php?ELEMENT_ID=39051&PAGEN_1=2 (дата обращения: 10.06.2017).
21. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. 430 с.
22. Ленин В.И. «Лучше меньше да лучше» // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 45. 718 с.
23. Троцкий Л.Д. Что же такое перманентная революция? (Основные положения) // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1991. С. 284–288.
24. Зубов А.Б. Плюрализм тоталитарности // Полис. 1993. № 6. С. 135–144.
25. Сталин И. Вопросы Ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1952. 611 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 июля 2017 г.

THE “PROLETARIAN REVOLUTION” AND THE NATIONAL SELF-DETERMINATION OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN EMPIRE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 59–65.

DOI: 10.17223/15617793/425/7

Valeriy A. Achkasov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: val-achkasov@yandex.ru

Keywords: peasant revolution; national self-determination; land issue; political mobilization.

The key aim of the article is to answer two questions: (1) Why was the Russian peasant revolution headed by a party that oriented militantly to the West, hostile to the peasantry as a traditionalist force and aiming to accomplish the world proletarian revolution? (2) Why did the Bolsheviks manage to carry out political mobilization of the peoples of the national peripheries of the Russian Empire? In the interpretation of historical material, the author uses the methodology of social constructivism. As a result, the author comes to a conclusion that only the pragmatism of the leaders of the party, their conviction that Russia is only the first springboard of the world proletarian revolution, can explain the Bolshevik steps that contradicted their program, but led to mass political mobilization of the Russian peasantry and representatives of other peoples of Russia. Firstly, it is not so much about the Decree on Peace, although it was an expression of the aspirations of millions of “peasants in greatcoats”, but rather about the Decree on the Land. It was important that this document fulfilled the age-old dream of the Russian peasant – “black redistribution”, i.e. a fair division of the common land between those who work on it. It seems that this can explain the neutrality of the majority and even the active support of part of the peasantry of the new Bolshevik government and even of the “war communism” policy, which, in turn, ensured victory in the Civil War. Secondly, it is also important to emphasize that a significant part of the indigenous population of the national borderlands was in solidarity with the fantastic plans of the Bolsheviks. The Civil War on the periphery of the Russian Empire was not perceived as a “war of Russians with non-Russians”. By the majority of the population, despite the nationalist propaganda of local governments, it was perceived as a class war, like the war of the poor against the rich, the proletarians against property owners, property owners against those who wanted to own it. Moreover, the Bolsheviks, who used the idea of national self-determination to destroy the Russian Empire, after the seizure of power, did not hurry to recognize the independence and sovereignty of the states that emerged at the national periphery of the empire. They looked at this process of “sovereignization” as a conspiracy of the national bourgeoisie, striving to retain domination over its workers and to isolate them from the revolutionary Russian proletariat. It seems that Russia’s multinationality, the diversity of its ethnic and cultural “landscape” largely determined the fact that the ideology of social modernization of the country was internationalist Bolshevism, not nationalism, as it occurred earlier in Western Europe.

REFERENCES

1. Moore, Jr., B. (2016) *Sotsial'nye istoki diktatury i demokratii: Rol' pomeshchika i krest'yanina v sozdanii sovremennogo mira* [Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, MA: Beacon Press]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.
2. Frank, S.L. (1990) Iz razmyshleniy o russkoy revolyutsii [From Reflections on the Russian Revolution]. *Novyy mir*. 4. pp. 207–226.
3. Berdyaev, N.A. (1991) *Filosofiya neravenstva: Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii* [Philosophy of Inequality: Letters to Foes on Social Philosophy]. In: Berdyaev, N.A. & Frank, S.L. *Russkoe zarubezh'e. Iz istorii sotsial'noy i pravovoy mysli* [Russian Abroad. From the history of social and legal thought]. Leningrad: Lenizdat.
4. Shanin, T. (1992) Krest'yanstvo kak politicheskiy faktor [Peasantry as a political factor]. In: Gordon, A.V. (ed.) *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennoy mire* [The great stranger: peasants and farmers in the modern world]. Moscow: Izd. gruppy “Progress” – “Progress-Akademiya”.
5. Guldner, E. (1997) Budushchee intellektualov i voskhozhdenie Novogo klassa [The Future of Intellectuals and the Ascent of the New Class]. *Rubezhi*. 4. pp. 3–39.
6. Carrère d'Encausse, H. (2010) *Evrasiyskaya imperiya: Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney* [The Eurasian Empire: History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Translated from French. Moscow: ROSSPEN.
7. Figs, O. (1996) *People's Tragedy: A History of the Russian Revolution*. London: Jonathan Cape.
8. Yakovenko, I.G. (2008) *Rossiyskoe gosudarstvo: natsional'nye interesy, granitsy, perspektivy* [The Russian state: national interests, borders, prospects]. 2nd ed. Moscow: Novyy khronograf.
9. Buldakov, V.P. (2010) *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.: usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentariy, analiz* [Chaos and ethnos. Ethnic conflicts in Russia, 1917–1918: conditions of occurrence, chronicle, commentary, analysis]. Moscow: Novyy khronograf.

10. Chernov, V.M. (1991) 1917 god: narod i revolyutsiya [1917: people and revolution]. In: Iskhakov, S.M. (ed.) *Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoy revolyutsii 1917 g.* [The country is dying today. Memories of the February Revolution of 1917]. Moscow: Kniga.
11. Sultygov, A.-Kh. (2017) Bol'shevizm i natsional'nyy vopros [Bolshevism and the national question]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 2. pp. 8–84.
12. Buldakov, V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN.
13. Bordyugov, G.A. (2011) "Voyny pamyati" na postsovetском prostranstve ["Memory Wars" in the post-Soviet space]. Moscow: AIRO-XXI.
14. Kas'yanov, G. & Miller, A. (2011) *Rossiya – Ukraina: Kak pishetsya istoriya. Dialogi. Lektsii. Stat'i* [Russia – Ukraine: How the story is written. Dialogues. Lectures. Articles]. Moscow: RSUH.
15. Popovich, M. & Mironenko, V. (eds) (2008). *Petlyura Simon – glavnyy ataman. V plenu nesbytochnykh nadezhd* [Petlyura Simon is the chief ataman. In the captivity of unrealistic hopes]. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad.
16. Etkind, A. (2014) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Lyuks, L. (1992) K voprosu ob istorii ideynogo razvitiya "pervoy" russkoy emigratsii [On the History of the Ideological Development of the "First" Russian Emigration]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 158–169.
18. Valk, S.N. et al. (eds) (1957) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Moscow: Politizdat.
19. Chebotareva, V.G. (2003) *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noy politiki. 1917–1924 gg.* [The People's Commissariat of Nationalities of the RSFSR: the light and shadow of national policy. 1917–1924]. Moscow: Obshchestv. Akad. nauk ros. nemtsev.
20. Sergeev, S.M. (n.d.) *Russkiy natsionalizm i imperializm nachala XX veka* [Russian nationalism and imperialism of the early twentieth century]. [Online] Available from: http://www.portal-slovo.ru/history/39051.php?ELEMENT_ID=39051&PAGEN_1=2. (Accessed: 10.06.2017).
21. Isaev, I.A. (ed.). (1992) *Evrasiystvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya* [Eurasianism. The experience of a systematic description]. In: *Puti Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [The Ways of Eurasia. Russian intelligentsia and the fate of Russia]. Moscow: Russkaya kniga.
22. Lenin, V.I. (1970) "Luchshe men'she da luchshe" ["Better less but better"]. In: *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 45. Moscow: Izd-vo polit. lit.
23. Trotskiy, L.D. (1991) *K istorii russkoy revolyutsii* [To the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat. pp. 284–288.
24. Zubov, A.B. (1993) *Plyuralizm totalitarnosti* [Pluralism of totalitarianism]. *Polis*. 6. pp. 135–144.
25. Stalin, I. (1952) *Voprosy Leninizma* [Questions of Leninism]. 11th ed. Moscow: Gospolitizdat.

Received: 19 July 2017